

В.В. Розанов Часть и целое

По изданию: Природа и история. Сборник статей. СПб., 1900 г.

*Впервые опубликовано в журнале «Русское обозрение» №3, 1895 г.
под заглавием «О так называемом «действии на расстоянии»*

Пределом тела, сверх его физической границы, служит еще и то все, до чего идет его движение и действие.

Аристотель. Метафизика, V, 17.

Со времен Ньютона и до нашего времени в той части нескольких соприкасающихся между собою наук, которую можно было бы, выделив, назвать философией природы, вопрос о так называемом *действии на расстоянии* не перестает занимать самые выдающиеся умы. Несомненен факт, что в движении небесных светил скорость и направление каждого порознь определяются отношением его к ближайшим и, однако, чрезвычайно удаленным от него светилам; и необъяснимым представляется, каким образом те удаленные тела действуют на это, им так покорное, ими без уз связанное¹. Истина, столь очевидная для Средних веков: *corpus non nisi ubi est agit*² – кажется истиною и для нас, и, стоя между нею и очевидным фактом, мы бессильны сочетать их в уме своем.

I

«Тело действует только *там*, где оно *есть*» (где оно находится). Однако где оно *есть*? Где его *точные границы*? Как произошедшего,

---

¹ Вот одно из новейших выражений необъяснимости этого явления: «Представив атом, действующий на расстоянии, мы задаемся вопросом: как объяснить это действие и природу или свойство того, что так действует? Задача эта не поддается никаким усилиям. Всякий исследователь, пытающийся это сделать, утомленный и неудовлетворенный, возвращался к простому факту действия на расстоянии. Его непостижимость доказывалась целым рядом попыток, начиная с давно забытых объяснений картезианцев после ньютоновской эпохи вплоть до новейших теорий. Очевидно, что эти неудачи зависят не от неумения исследователей. Все пытающиеся решать эту и подобные конечные задачи, если они не находились под влиянием самообмана, должны были отказаться от решения. Постоянно «удаётся» и в действительности никогда не удастся *привести действие на расстоянии к удовлетворяющим нас представлениям*». Дю-Буа-Реймон. «Границы познания в области точных наук».

² Тело только там, где есть движение (*лат.*).

как самостоятельно сущего, как в *этот* момент и *здесь* рассматриваемого – границы тела суть геометрическая фигура, образуемая его поверхностью. Внутри этих границ тело не действует, потому что там есть только оно само; и как его неподвижность, так и всякое изменение его мы назовем только его *состоянием*. Медь кипит, или она же лежит в виде куска перед нами – это одинаково не есть ее действие на что-нибудь, но лишь собственные ее состояния. Итак, всякое действие, какое мы можем представить себе, всегда совершается *вне* геометрических границ тела; и в приведенном примере кипящей меди, если мы усмотрим некоторое действие внутри, это будет внешнее действие друг на друга быстро движущихся атомов – наружное по отношению к каждому из них, вне чертежа его границ совершающееся, и внутреннее только для их массы, которую одну мы различаем; – как в скоплении звезд различаем только туманную массу, если мы не умеем, если лишены средств разглядеть составляющие ее тела.

Итак, *corpus ibi agit, ubi non est*¹ – есть истина, отвечающая действительной природе вещей. Тело никогда не действует иначе, как *вне* себя, – это вытекает одинаково как из его сущности, так и из возможного для нас его представления. Где же, однако, граница этого действия? Чтобы ответить на это, мы должны обратиться к рассмотрению, не имеет ли оно, как некоторое бытие, еще второй для себя границы, кроме указанной.

Оно *произошло* – и это определяет его вторую границу; оно есть *часть* – и, следовательно, существует *целое*, существует совокупность других частей, которые ощутимо или неощутимо, соотносясь с нашими органами или не соотносясь, группируются около этой части — образуют сферу, внутри которой находится данное, наблюдаемое бытие. Совокупность этих *других* частей, к которым принадлежит данная часть и теперь еще, как им равная, с ними однозначущая (по крайней мере, в отношении к тому, когда-то слитному, что на них разложилось) – и образует вторую границу тела, и вместе единственную, которую мы наблюдаем как место проявления его сил. Сила есть только физическое соотношение: всегда соотношение одной части с другою по связи их в некотором третьем, что в отношении к ним есть или некогда было целым. Земля или Меркурий потому стягиваются между собою и оба тяготеют к солнцу, что были частями этого солнца, – точнее, вместе с ним и всеми остальными планетами составляли массу, потом распавшуюся на солнечный мир. И если мы возьмем что-нибудь разнородное, несоизмеримое, невыразимое в одних терминах, что ни в каком случае и никогда не было слито, – мы не найдем и силы, действующей между

---

¹ тело (материя) действует там, где его нет (*лат.*).

этим разнородным. В природе она всегда есть след *распада*, или, пожалуй, развития – есть свет не видимый только, но остающийся вечно там, где совершился этот распад; целое выделило из себя части, но не исчезло с этим выделением, а продолжает существовать в них и их *соотношении*. В наблюдениях над продуктами распада малых тел, нам в этом отношении ясно и окончательно известных, сказанное находит себе замечательное подтверждение. Кислород и водород, насильственно расторгнутые электрическим током, идущим по проволокам вольтова столба, опущенным в воду, собственно природою соединяются вновь в воду, как только устранены все препятствующие этому условия. Но нет силы соединяющей между телами, которые не были предварительно разъединены, и, следовательно, именно это разъединение, или еще первее – *целостность* их в третьем¹, мы должны признать за источник и самого их соединения. Тот факт, что соединяющиеся тела в этом третьем, новом, теряют свои характерные признаки², что в отношении друг к другу они являются с качествами противоположными³, – все это побуждает нас видеть в каждом из них порознь как бы некоторую *недостаточность, частичность*, от чего-то *оторванность*, восполняемую через соединение, ранее которого тела уже как бы предчувствуют друг друга, предугадывают, различают от таких других тел, по отношению к которым в них нет никакого лишения⁴, недостатка. Химически *простые тела всегда суть дробь*, и хотя они складывают из себя единицу, – однако не их, а единицу следует при-

---

¹ «Кроме двойного и вообще многократного избирательного сродства стали различать взаимное сродство (affinite réciproque), когда два вещества А и В к третьему веществу С представляют почти равное сродство и когда, смотря по условиям, может происходить или вытеснение тела А, или вытеснение В. *Предрасполагающим сродством* (affinite disposante) называли такого рода сродство, когда некоторое вещество производит химическое действие вследствие сродства к новому и имеющему образоваться при реакции веществу В, но которого еще нет в сфере действия вещества А при начале взаимодействия». Профессор Н. Меншуткин. «Очерк развития химических воззрений». СПб., 1888 г., стр. 90. То есть отсутствующее, имеющее возникнуть, *возможное* тело влияет на реальный факт как *действительное*.

² В отличие от смесей и составов, химические соединения не сохраняют в себе вида и свойств соединившихся веществ, как бы поглощают их в себе и на их место становятся новым телом. Так, например, капля воды не имеет ничего сходного с водородом и кислородом, которые в ней исчезли, передав ей только *вес* свой и *ничего еще другого*.

³ «Впервые Бургаве указал, что не столько сходные тела, сколько *вещества*, так сказать, *противоположных качеств проявляют химическое сродство друг к другу и наи чаще соединяются*, что химическое сродство обуславливается не степенью сходственности двух веществ, но *степенью их различия*. С того времени такое представление о силе химического сродства является общепринятым». Меншуткин. «Оч. разв. химич. воззрений», стр. 89. При этом в самом соединении нередко наблюдается уничтожение противоположных качеств соединяющихся тел, как то имеет место, когда основания и кислоты образуют соли. Там же, стр. 88.

⁴ Элементы не соединяются между собою безразлично во всяких количествах, но в некоторых определенных пропорциях, *то есть они соединяются именно не как вещества, но только как части некоторых физических тел*.

знать первым производящим, а их только от нее производными. Самое сродство химическое действует на расстояниях столь же малых, как приблизительно те, в каких они находились в соединяющем их целом (физическое тело): с увеличением этих расстояний они перестают различать друг друга, «избирать», стремиться к соединению. Таким образом, какую бы начальную космическую эпоху мы ни взяли, пусть это будет даже эпоха хаотического рассеянного вещества, мы можем в ней представлять, напр., водяные пары на степени произвольного разрежения, но ни в каком случае – частицы водорода и кислорода, летающие друг возле друга без слияния или одни – собранные в одних пространствах, другие – в других, чтобы потом смешаться и образовать воду. Вода *первее* их в порядке образования, и это потому, что быть ее *дробями* есть для них норма, есть естественное состояние устойчивости; и полно неустойчивости, ненормальности, противоестественности быть чем-то самостоятельным, в разъединении.

Предположение, что *меньшее* всегда *первее* *большого*, *простое* – *сложного*, есть, кажется, единственное, которое удерживает нас от принятия этой истины, и, однако, ряд фактов, нам лучше всего известных, должен бы побудить нас отказаться от этого предположения¹; ведь и кровь или дыхательные пути², суть меньшее и простейшее сравнительно с целым организмом, составляют собою лишь части его, и, однако, именно организм есть по отношению к ним первое, а они в нем явились потом, как и все прочие выделившиеся части. В зачатке, в оплодотворенном³ яйце уже содержится организм; точнее, зачаток: яйцо есть уже организм, части которого находятся в слитном, неразличимом для нас состоянии; но вот проходит время, природа совершает свои усилия, – и части, органы возникают, становятся видимы. Также лишь при наступлении усилий необычайных и новых (электрический ток) происходит распадение молекулы воды на атом кислорода и атом водорода, так между собою не сходные, не сходные и с молекулою воды; и, очевидно, в ней не сложенные и не приложенные друг к другу,

---

¹ Источник его, кажется, лежит единственно в сосредоточении внимания нашего по преимуществу на *делаемых, изготовляемых* нами предметах, которые мы *состав. Явем*, и естественно берем для этого *сперва* простое и *потом* так или иначе соединяем его с другим подобным же простым: так, напр., ткань делаем из нитей, напиток изготовляем – смешав воду с разными веществами. Однако в природе, по крайней мере так же часто, генетические процессы идут в обратном порядке.

² Не следует думать, что только в живом, органическом мире явления могут идти в этом порядке; вот еще пример: выпуклая и вогнутая стороны кривого стекла не были когда-нибудь самостоятельны и не образовали его, сложившись, как более по отношению к ним позднее; напротив, стекло, хотя во времени образования не ранее их, однако в порядке этого образования – *первее*. Как существо, *оно* именно возникло, а *с ним* – эти его стороны, как его простые качества.

³ И даже неоплодотворенном, как на это указывают факты партеногенезиса (бесполого рождения, как, напр., у пчел).

но еще не бывшие вовсе и потом выделяющиеся, когда она почему-либо утрачивает свою цельность.

И чтобы до конца исчерпать взятый пример, добавим, что в организме вещество и форма действуют друг на друга, повинувая генетической своей связи, *без всякого прикосновения, на расстоянии*: биение сердца, отношение кровеносных путей к дыхательным, отношение к ним всем мускулов и нервной ткани – полно связи, служит одно другому, восполняет действие друг друга, исправляет ошибки далекого¹ – *потому что есть некоторое целое, в котором они связываются.*

II

Связуются целым и мировые тела, или все – космосом, или некоторые – системою, к которой они принадлежат; и они суть «простые» – суть «элементы», разорванные один от другого и след этой разорванности несущие в себе. Землю не падающею на солнце мы можем представить только как брошенную по касательной к ее орбите, подобно как атом водорода можем представить отторгнутым от атома кислорода – лишь на конце проволоки с бегущим по ней током: в обоих случаях в некоторых особенных условиях, стесняющих норму, ограничивающих закон, изъемлющих природу из положения естественного.

«Действие на расстоянии» поэтому не только понятно, но оно и необходимо, так как самое понятие «части» уже включает в себя понятие удаления, разъединенности. И если, как замечают ученые разных сфер точного ведения, все наполняющие природу силы суть действующие на расстоянии – если она связана по всем швам своего сцепления, то почему всеобъемлющий факт этого сцепления им не признать источником происхождения самых сил? Ведь этот источник, во всяком случае, должен быть также общ и целен, как и весь космос, который эти силы собою проникают. И если всякая сила есть или удаляющее (так называемые отталкивательные силы), или сближающее, – то что же может служить этим источником, кроме генетического единства всех атомов мира? И этому отвечает то наблюдение, что для своего распространения *сила всемирного тяготения, например, не берет никакого времени*²: ведь она, истекая из цельности космоса, *уже предшествует*

---

¹ См., например, в высшей степени любопытные наблюдения проф. Мечникова над действиями в организме фагоцитов (белые тельца, плавающие среди красных кровяных шариков в крови): зараза, поранение, болезнь какого-нибудь одного органа заставляет их тотчас устремляться отовсюду, из самых отдаленных частей тела к угрожаемому месту и защищать от губительного действия агента близлежащие органы. См. его «Лекции о сравнительной патологии воспаления, читанные в 1891 г. в Пастеровском институте». СПб. 1892 г.

² Лапласом было указано, что если бы тяготение нуждалось в каком-нибудь времени для своего распространения, будь это распространение даже в несколько миллионов раз

всякому факту, который мог бы ее обнаружить, – все вновь возникшее и не может возникнуть иначе, как в сфере ее действия, и тотчас начинает повиноваться ее закону. Ее реальность первоначальнее реальности планеты, кометы, метеора и всего, что, от них отторгаясь, или удаляется, преодолевая сцепление, или падает обратно к центру¹, этому сцеплению повинуюсь. Что тяжесть лежит, как в своем источнике, не в массе притягивающихся тел; что она существует вне этих тел, занимая наружное положение, – это явствует из того, что нет тяжелого тела или атома, который был бы *один*, что *тяжесть всегда между двумя телами или атомами*. Если ее нет в *одном* и так же порознь не было и во *втором*, то нет и в *двух*, когда они стоят друг перед другом, – нет иначе, как если мы предположим, что не в них, но между ними она была уже всегда, ожидая лишь их появления – появления всякой *части*, пылинки, атома, который, подчинившись ей, мог бы обнаружить тем самым разомкнутость своего бытия и цельность мира.

III

Ни на чем не основанное представление, рисующее нам элемент как первое, рисует и атом как центр *истекающих* из него сил: истечение нам представляется как единственная возможная форма отношения между силою и веществом, а это последнее – как единственный субъект, носитель силы. Но вот, положим, беспредельное, нигде не кончающееся пространство заключает в себе одну, первую, не знающую другой пылинку: ведь она есть «источник сил», их вечный «носитель», ей они не переставая присущи, как, напр., и прямой никогда не перестает быть присуща наибольшая краткость между двумя точками, хотя бы она и была так мала, как возможно, была бы «первою» в величине своей. И если, несомненно, этот первый атом не тянется еще ни к чему и ничего не тянет к себе, если он еще не «центр сил», не несет их в себе, то с какого момента и почему и какую причину они в нем возникнут?! Как бы и когда и почему ни возникли, ясно, однако, что уже не природою его, не бытием, не как первое в нем, ему вечно присущее. И несясь в вихре других, вновь появившихся атомов, о каждом из которых мы можем повторить то же рассуждение, он ни своею, ни их природою несутся, но чем-то независимым порознь от всякого, ни из кого не истекающим и, однако, все их объемлющим. *Сила – вне вещества*; мы утверждаем, она – *след его цельности, единства*; эта цельность, един-

---

быстрее скорости света, оно было бы уже наблюдеено и отмечено астрономами в фактах передвижения небесных тел.

¹Замечательно, что сила тяжести на земле и бесспорно во всех телах проявляется «так, как если бы вся масса их была сосредоточена в одной точке центра». При объяснении, какое мы делаем, это само собою разумеется.

ство и есть их истинный субъект, вечный источник, никогда не перестающий действовать на свои части – единичные вещественные тела. И идеальная природа этой цельности, ее осмысленность как нельзя более отвечает самому качеству силы, которая также имеет в себе некоторый смысл, и его так трудно связать с фактом массы, с представлением только протяжения, материи, которая наполняет, вымещает собою, мешает другому, и как-то непонятно, чтобы еще и взаимодействовала, и притом по закону разумно выразимому (в математических формулах).

IV

Мы возвращаемся вновь к теме «расстояния, на котором действует тело». Даже сосредоточив свое внимание на первой, тесной границе его, мы не можем отвергнуть, что там присутствует другое тело, с ним «на расстоянии» взаимодействующее, но в смысле особенном и также с особыми последствиями. Присутствуя реально, как полнота и избыток, оно вымещает собою, не допускает другое стать там, где пребывает само. Присутствуя как недостаток, как пустота или некоторое лишение, оно производит действие, противоположное вымещению – тяготение, сближение. Все силы, нами наблюдаемые в природе, сверх механических (толчок, давление и пр.), указывают своим характером именно на этот или подобный источник своего происхождения.

Совершенно ошибочно мы думаем, что сила есть только *там* и только *такая*, какую мы можем отнести, как к ее источнику, к данному куску вещества, материи, вообще бытия, которое пред нами лежит и действует на наши чувства: она может быть присуща этому веществу, но вытекать не из того, что в нем есть и на нас действует, но из того, *чего в нем нет более*. Оно *чего-либо лишилось* и это лишение чувствует, как и вся природа чувствует его: человек как *утрату*, животное как *боль*, растение как орган, который *нужно восстановить или возместить* в дальнейшем росте. И что в человеке вызывает сознательную идею, в животном – порывистое движение, в растении – приток соков, и во всем вообще соответствующее его природе *усилие* поправить, вознаградить, изгладить потерю, то и в безжизненном веществе вызывает действия, отвечающие своей размеренностью и механичностью его глухому и тёмному существу. Минус, как и плюс, действует в величинах, которые также не сознают, не чувствуют, не знают о себе; и вообще в целом космосе *отрицательное действительно, как и положительное, и действует* на части положительного, к которым относится. В массах, в телах, в предметах это отрицательное значит только *отнятое*, вызывает на лишение: оно и есть источник действий, всегда по направлению и природе своей обратных смыслу этого лишения: – его восполняющих. Земля вечно падает на Солнце, и удерживается от этого

лишь центробежную силу; но это потому, что она не чужда Солнцу, есть часть его, и Солнце эту потерянную свою часть чувствует, как и все сохраненные, всю массу лежащего в нем вещества, – но с значением обратным. И все в природе, как связанное генетическим единством, чувствует друг друга, но в разных сферах своими разными способами (законы природы), отвечающими разным способам своего первичного разделения.

V

Мы не будем вдаваться в исследование более трудной задачи: каким образом, если в природе первоначальное есть полнота, и возвратить ее к полноте же стремится каждая почти сила, произошли эти бесчисленные лишения, разрывы, силою которых она стала космосом, то есть «красотою», в замене прежней безобразной слитности? Заметим только, что, быть может, причина здесь кроется именно в том, что человек уже нашел бессознательно, назвав созерцаемый им мир не бытием, не разнообразием, но именно «красотою»¹. В нем мы должны признать устрояющее начало, и именно устрояющее по законам лучшего, прекраснейшего. Ведь никто не различает и руки, водящей в слитно-однообразной массе зародышевого яйца частицу за частицей, – и даже при высших средствах анализа мы едва можем следить за крупнейшими в нем перемещениями, теряя, впрочем, и их из виду в важнейшие моменты и в важнейших пунктах². Мы знаем только, что, когда пришло время, на месте однообразия является расчлененный организм, бедное сменяется богатым, зачаток жизни превращается в полную жизнь. Никогда и никто не определил, почему и какою силой расстояния между планетами, их скорости и массы распределены и соразмерены так именно, что вполне уравниваются взаимно: мы наблюдаем только самую соразмерность, знаем равновесие, и, прибавив к этому знанию удивление, больше ничего не можем.

В. Розанов

Сканирование, распознавание, вычитка и оформление выполнены коллективом сайта
<http://varvarin.ru>

---

¹ Κοσμῶν (откуда «космос») – украшаю.

² «Наблюдая дробление желтка, мы в каждой стадии этого процесса ясно видим цель, для которой оно совершается, и не видим даже намека на средства или орудия, помощью которых оно производится» (К. Бэр).